

В. Шуров

ПЕСЕЛЬНИКИ
ИЗ СЕЛА
ФОЩЕВАТОВА

В. ЩУРОВ

ПЕСЕЛЬНИКИ ИЗ СЕЛА ФОЩЕВАТОВА

МОСКВА

«СОВЕТСКИЙ КОМПОЗИТОР»

1989

Мне вспоминается одна из бесед с моим музыкальным наставником в консерватории, видным концертирующим пианистом. Он привел тогда интересное сравнение, сопоставив музыканта-исполнителя со спортсменом. Согласно его мысли, хороших музыкантов существует довольно много, так же как и хороших спортсменов. От рядовых любителей и тех, и других отделяет большой разрыв в мастерстве, достигнутом благодаря систематическому и целенаправленному развитию способностей. Однако чемпиона, скажем, в беге на определенную дистанцию отличает от множества других превосходных бегунов умение пробежать ее всего на сотую долю секунды быстрее. Так же и выдающегося музыканта выделяет трудно уловимое, но всеми ощущаемое преимущество, которое дает ему возможность покорять сердца слушателей.

Это живое сравнение невольно вспоминается, когда слушаешь пение народных мастеров из белгородского села Фощеватова. В просторных степных селах хлебной черноземной полосы можно услышать множество прекрасных русских песен в искусном исполнении даровитых певцов из народа. Однако такого совершенства, такого высокого мастерства в сочетании с большим вдохновением, каким отличается пение фощеватов-

цев, достигают лишь немногие, самые незаурядные народные умельцы.

Искусство песельников из Фощеватова получило широкое признание в нашей стране. Песни в их исполнении многократно звучали по радио. С их участием вышло в эфир несколько телевизионных передач, вызвавших теплые отклики зрителей. Всесоюзной студией грамзаписи «Мелодия» выпущена большая долгоиграющая граммофонная пластинка с записью фощеватовских песен¹, моментально пропавшая с прилавков магазинов благодаря большому спросу со стороны любителей народного искусства. Кинообъединением «Экран» снят большой кинофильм «Песни села Фощеватова», посвященный этим замечательным певцам из народа. Их мастерство неоднократно отмечалось в печати. Фощеватовский колхозный хор приезжал в Москву для участия в музыкально-этнографическом концерте Союза композиторов РСФСР, выступал перед посетителями ВДНХ, проявлявшими живейший интерес к искусству сельских певцов. Песни, записанные от фощеватовцев, входят в программы профессиональных, учебных студенческих и самодеятельных народных хоров.

В чем же секрет быстрого и большого успеха этого народного коллектива, ставшего известным широкой общественности в начале 70-х годов?

Чтобы ответить на этот вопрос, представим себе на минуту, что мы с вами присутствуем на выступлении фощеватовского хора перед самыми строгими ценителями музыки — в большом зале Всесоюзного Дома композиторов. Среди слушателей мы видим известных музыкантов, преподавателей и студентов высших музыкальных учебных заведений столицы, крупных ученых, специалистов в области музыкознания и фольклористики.

¹ Народный хор села Фощеватова Волоконовского района Белгородской области. ЗЗД 32265-66.

Все взоры присутствующих устремлены на сцену, где полукругом стоят в несколько неловких от стеснения позах участники фольклорного вокального ансамбля из Фощеватова. Зал со вниманием слушает, как гости из села поют протяжную лирическую песню.

Вот смуглый темноволосый мужчина средних лет в нарядной, красиво вышитой русской рубахе, в простых полотняных портах, обутой в лапти, внушительно завел густым сильным баритоном строгий запев; его дружно подхватили звонкие голоса остальных участников песенной артели. Каждый из певцов вел свою искусную мелодию, а вместе подголоски сливались в насыщенные красочные созвучия. Песня росла, ширилась. Неторопливо развертывалось напевное повествование о кудрявой грушице, которая весной вошла, летом выросла, зарей зацвела, днем осыпалась...

Протяжная песня, пришедшая из раздольных степей южной России, раскрылась во всей своей цветистой красоте (см. нотный пример № 1).

Непривычные к сцене сельские певцы постепенно осваивались в обстановке, чувствуя теплую благожелательность слушателей. А когда зазвучала плясовая — «скоморошная» — песня «У нас были да веселы времена», они просто преобразились. Лица их засветились добрыми, лукавыми улыбками, руки птицами взвились вверх, мягкая пластика движений смягчала упругие дробные ритмы темпераментной южнорусской пляски.

В этот вечер москвичи познакомились с разнохарактерными фощеватовскими песнями, принадлежащими к разным жанрам. Незамысловатую наивную колядку сменяла развернутая, драматическая по складу свадебная обрядовая песня, сопровождавшаяся жалобными причитаниями невесты. Вслед за лирической семицкой звучала оригинальная бодрая частушка в хоровом изложении «Куда пошел, Егорушка», очень понравившаяся москвичам. Но самым интересным и неожиданным в

программе фощеватовского хора было исполнение свадебного песенного канона двумя женскими вокальными составами. Запевалу поддерживала одна группа певиц, а двумя фразами позже в пение включалась другая. Инициатива перешла к голосам, вступившим позже: закончив припев, они повели основную мелодию второй строфы. Затем начали новое проведение музыкальной темы прервавшие на короткое время свой напев партнеры (см. нотный пример № 2). Песня исполнялась энергично, в подвижном темпе, и переключка вокальных групп воспринималась как веселое состязание подбадривающих друг друга певцов. Подобной имитационной канонической формы исполнения русской народной песни до встречи с фощеватовцами фольклористы не знали. Этот уникальный в своем роде случай показывает, сколь своеобразны порой бывают традиции народного пения, сложившиеся в той или иной местности России. И как мало еще мы знаем о богатстве форм народного национального искусства.

Выступления фощеватовцев перед музыкальной общественностью столицы были высоко оценены в прессе. А своеобразие музыкальной формы исполняемых ими песен специально рассматривалось в статье А. В. Рудневой, помещенной в журнале «Музыкальная жизнь» (№ 21 за 1973 год).

Чем же можно объяснить удивительное богатство и своеобразие музыкальной народной традиции в Фощеватове и чрезвычайно высокое искусство многоголосного хорового распева?

Главная причина впечатляющих секретов певческого мастерства фощеватовских умельцев коренится в глубинной почвенности местных народных традиций.

На протяжении столетий складывалась и развивалась самобытная культура народного пения в этом старинном русском селе. Она достигла больших вершин, оставаясь относительно замкнутой в себе и по существу

никому не известной за пределами округи. И лишь в наше, советское время искусство народных мастеров, продолжающих и развивающих богатые традиции предков, приобрело широчайшую заинтересованную аудиторию и получило всенародное признание.

Чтобы лучше понять и в полной мере оценить достоинства пения фощеватовцев, важно познакомиться с историей села, где сложилась их яркая песенная школа, вникнуть в особенности местных обычаев, породивших развитую и оригинальную местную песенную традицию.

Во времена татарского ига зéмли в верхнем течении Дона и его притоков были покинуты русскими людьми, спасавшимися от притеснений завоевателей в местностях, расположенных ближе к Москве, под прикрытием густых приокских лесов. Степные районы черноземной полосы, в прошлом хорошо освоенные русскими землепашцами, опустели, превратились в «дикое поле». И даже после освобождения России от татарского ига в 1480 году крымские и ногайские татары продолжали тревожить молодое Московское государство жестокими набегами с юга. Главной целью вторжений кочевников был захват пленников для продажи в рабство.

Опасаясь вражеских нападений, русские люди избегали селиться в открытых степных и лесостепных землях. Поэтому вероятнее всего, что со времен нашествия Батыя до середины XVII столетия в той местности, где расположено Фощеватово, не возникало русских поселений. Массовое организованное освоение южных территорий Московской Руси началось в годы возведения системы пограничных оборонительных укреплений так называемой Белгородской засечной черты, объединившей многочисленные города-крепости от Белгорода до Воронежа и Тамбова¹.

¹ Подробнее об этом см.: Щуров В. М. Южнорусская песенная традиция. — М., 1987. С. 26—36.

Неподалеку от сторожевого города Палатова и отстроилась, по-видимому, слобода Фоцеватова, упоминавшаяся уже в некоторых документах конца XVII столетия. Название свое она получила, очевидно, от переиначенного слова «хвощ», поскольку вдоль небольших степных речушек в этих местах растет много этих влаголюбивых растений.

Сам город Палатов, от которого отпочковалась слобода Фоцеватова, был построен в 1671 году. По сведениям палатовского историка-краеведа Александра Федоровича Плотникова, Палатов строили казаки из Острогожска (украинцы по происхождению¹) под командованием полковника «черкасского полку» Герасима Карабута, сосланные в наказание за поддержку восстания Степана Разина. Эти сведения согласуются с фоцеватовскими преданиями. Так, одному из местных стариков «дедушка говорил»: «Была здесь пустынь. Сюда ссыльники ссылались. И первый был Копай. Потому и название села — Копаетово». Действительно, второе бытующее название Фоцеватова — Копаетово. Может быть, тем обстоятельством, что украинцы частично влились в русский состав местного населения, объясняется присутствие украинизмов в местной речи. Украинское воздействие явно сказалось и на особенностях содержания и формы некоторых местных песен.

Южнорусские пограничные города и слободы вплоть до середины XVIII столетия подвергались нападениям татарской конницы. Об этих давних суровых временах сохранилась память в колыбельной, которую запомнила участница фоцеватовского ансамбля А. А. Беликова. Она часто слышала ее в раннем детстве от матери. В поэтическом тексте этой колыбельной звучит сюжетный мотив,

связанный по происхождению с классической исторической песней «Про татарский полон».

1. Ой, горе моё, гореваньце,
Ах, кто кому достанется?
А баю-люлю, моё дитятко,
А баю-люлю, моё милое¹.
2. А досталась сестра брату.
Сестра брату, теща зятю.
3. А брат сестру он на волю пустил,
А зять тещу во полон поладил.
4. И дал он ей три дела делать.
5. Одно дело — деток качать,
А другое дело — коров доить,
А третье дело — деток поить.
6. А по матушке — внучек мой,
А по батюшке — татарчик мой.
А баю-люлю, моё дитятко,
А баю-люлю, моё милое. (Нотный пример № 3.)

Интересно, что упоминание о пленении татаринном собственной сестры, содержащееся в песне, встречается именно в белгородских версиях данного сюжета.

В наши дни осколки преданий о временах борьбы с кочевниками сохранились в Фоцеватове лишь в памяти глубоких стариков. Так, восьмидесятивосьмилетний Владимир Васильевич Шепилов, по его словам, слышал от дедов, когда маленький был, что «когда-то здесь орда была». Большого он вспомнить не смог.

Зато значительно больше легенд сохранилось в Фоцеватове о другом важном периоде истории села, связанном с созданием петровского флота.

Строительство парусных военных кораблей было необходимо России для борьбы с турками, поддерживавшими крымского хана. Оно велось на реках Донского бассейна с 1696 по 1711 год. Когда по берегам реки Воронеж корабельный лес был вырублен, решено было

¹ Об освоении украинцами южнорусских земель см. в кн.: Щуров В. М. Южнорусская песенная традиция. — М., 1987. С. 30, 33, 37.

¹ Далее текст излагается без припевных слов.

использовать леса между рекой Тихой Сосной и Осколом. Это как раз то место, где в наши дни среди дубрав разместилась группа сел, объединенных фощеватовским сельсоветом: Старопузино, Новопузино, Подлесь, Ново-сильское, само Фощеватово.

Предания связывают возникновение самих названий некоторых из этих сел с обстоятельствами корабельного строительства: по словам местных старожилов, названия Новопузино и Старопузино происходят от названия передней части корабля — «пузо». Хотя исторически это не вполне достоверно (деревня Старопузино, по свидетельству историка В. Загоровского, существовала до петровских времен), показателен сам факт соответствующей трактовки названия местными жителями. В Старопузине, по рассказам стариков, прежде (на месте нынешнего болота) была речка Сенная, по которой будто бы приплывали суда, которые здесь красили. Участник фощеватовского хора Кузьма Гаврилович Иванов был свидетелем того, как в годы его молодости один из местных стариков, выкорчевывая старый большой дубовый пенек на своем огороде, сказал, что это был «дуб Петра Первого».

Местное предание повествует также о том, что однажды Петр Первый поехал из Фощеватова в Палатово и заблудился в лесу. Найти дорогу ему помог крест на высокой палатовской церкви, который царь увидел издали. Петр, как сообщает предание, пожаловал церкви большие земли.

Местное объяснение названия села Подлесь состоит в том, что здесь стояли леса (стапели), на которых собирали части корабля.

В 18 километрах от Фощеватова находится город Волоконовка (раньше — село). Местные жители утверждают, что корабли тянули от Фощеватова к Осколу волоком, отсюда возникло и название места, куда доставляли суда.

Таким образом, судя по данным истории и учитывая материалы преданий и песенного фольклора, можно предполагать, что истоки местной народной культуры восходят к творчеству ратных людей южнорусского пограничья и строителей петровского флота.

В местном фольклоре заметны следы воинской традиции с характерной для нее активностью, решительностью выражения чувств и наряду с этим отчетливо проступают земледельческие, крестьянские черты, поскольку ратные люди на южной окраине Московского государства были полувоинами-полуземлепашцами.

Относительную замкнутость и обособленность фощеватовской песенной традиции можно объяснить несколькими причинами. В первую очередь здесь сказались особенности местного землевладения. Фощеватовцы никогда не были в крепостной зависимости. Ратные люди южнорусского пограничья и их потомки вплоть до Великой Октябрьской революции владели землей не по общинному, как повсюду на Руси, а по так называемому «четвертному» праву, по сути дела не отличающемуся от поместного. Земля не подлежала переделу по едокам, а находилась в полной собственности владельцев, поскольку была пожалована в свое время царем ратным людям в постоянное пользование. После свадьбы жених получал свою долю отцовской земли, невеста — материнской. Поэтому крестьяне-«четвертники» посылали сватов обычно к близким соседям, обязательно принадлежащим к их сословию, — чтобы непременно получить землю в приданое и чтобы надел по возможности находился неподалеку — так им легче распорядиться.

Благодаря такому положению дел местная культура развивалась, не подвергаясь заметным внешним воздействиям, так как новых людей, пришедших со стороны и обладающих иным культурным запасом, в местную общину не принимали. Другая возможная причина того, что данная песенная традиция приобрела особые мест-

ные отличительные черты, состоит в природной отгороженности фощеватовского куста селений от других заселенных мест: густые леса издавна отделяли Копяево и окрестные села от соседних русских территорий.

Важными для сохранения самостоятельности местных обычаев оказались и административные причины: Фощеватово долгое время входило в Палатовский уезд, внутри которого происходило общение служилых людей, а затем крестьян друг с другом. Все общественные дела решались палатовской администрацией, в Палатове происходили ярмарки, праздничные гуляния. Поэтому неудивительно, что ближе всего по характеру к фощеватовской стоит палатовская манера пения.

Так или иначе, обычаи в Фощеватове, связанные с пением и музицированием, отличаются большим своеобразием.

Прежде всего, здесь издавна сложилась особая, во многом оригинальная система календарных (сезонных) игр и обрядов. Причем песни, приуроченные к земледельческому календарю, были либо чисто местные, не известные за пределами округи, либо необычные по форме, отличающиеся от других вариантов характерными местными признаками.

Возьмем хотя бы обычай колядования. Как и повсюду на Руси, вечером накануне рождества девушки, парни или дети ходили в Фощеватове по дворам с пением поздравительных песен (колядок). Однако в сравнении с другими традициями фощеватовские колядки отличаются многообразием поэтических мотивов, самобытностью напевов. Так, шуточная по настроению поэтического текста, праздничная по характеру напева песня «Коляда не перепёлка» по-своему уникальна в ряду русских колядок (см. нотный пример № 4).

Оригинальны и другие местные колядки и щедровки — «Шел-прошел месяц», «Молодой Иванушка коня седлает».

Некоторыми отличительными деталями обладал и обычай святочных вечеров («вечерушек») в Фощеватове. Девушки откупали на вечер избу и собирались туда на игры. В горницу к себе они пускали парней, но не всех желающих, а только тех, кого сами приглашали. Молодцев, пришедших на вечерку, по очереди величали песнями. Вечерочных величаний было множество — одно приветливее другого. Кому споют «Калинушка нахилилася» — о том, как «Иванушка зажурился, в Авдотьюшку влюбился», кому — «Аленький наш цветок», где «миленький гостёк Иванушка» сравнивался с алым цветком, кому — «В огороде капустушка, белый кочаночек», в которой пелось, что «у нашего Николаюшки золотой умочек». В конце песни к парню припевалась девушка. Она должна была подойти к величаемому и поцеловать его. А обласканный парень угощал подругу калеными орешками.

На масленицу в Фощеватове девушки с песнями катались в санях. Запрягали лошадей и возили гуляющих по селу местные богатеи. За это молодые крестьянки должны были летом отработать в поле у хозяина полных три дня.

Ранней весной, по первой зеленой траве, белили на солнце холсты. Женщины выходили ранним утром к широкой лунке около родника, замачивали холст и растягивали его на траве. Дождаясь, пока холсты высохнут под лучами яркого весеннего солнца, хозяйки садились рядышком на пригорке и пели песни.

На пасху на околице села устанавливались качели и «перекидушки» — колеса с подвешенными на жердях люльками. Желающих раскачивали за небольшую плату дюжие парни — «качельники». Захочет кто-то из молодых ребят покачаться с девушкой — указывает качельникам, чтобы поймали ее. Парни ловили «невесту», сажали рядом с «женихом» в люльку и, дружно взявшись за концы жердей, начинали раскручивать колесо.

У качелей собиралось много народа. Гуляющие пели песни, плясали.

Через шесть недель после пасхи, в самый разгар весны, устраивались семицкие игры.

Девушки делали «кукушку» из кленовой ветки: обрывали со стебля листья, повязывали на голую ветку сверху «гребешок» из толстой бумаги, надевали юбку, фартук.

С наряженной «кукушкой», которую несла впереди одна из участниц обряда, молодежь шла процессией по селу и пела песню со словами: «Кумитесь, любитеся» (см. нотный пример № 5).

Сам ритуал кумления состоял в том, что девушки заходили в лес, сажали «кукушку» на клен и начинали петь. Две подруги вешали в кустах крестик и целовали его с двух сторон. С этого времени они становились «кумами» — как бы названными сестрами.

Затем десять—двенадцать девушек просились к какой-нибудь хозяйке и устраивали обрядовую трапезу — жарили яичницу, пекли «лестнички» из теста.

Во время семицких обрядов не переставая звучали песни — и обрядовые, и просто лирические, протяжные.

Особые трудовые величальные было принято петь во время первой пополки. Выходили на работу всей семьей. Если на соседней полосе среди работниц была незамужняя девушка, в ее честь заводили песню, в которой припевали к ней молодца. Старались назвать такого, какой был бы девушке по нраву. Вот содержание одной из таких песен:

1. Ой, новая да колясочка,
Ой, по полю бязит¹.
2. А во этой же во колясочке
Там Ванька сидит.

¹ При исполнении песни каждая вторая строка строфы повторяется.

3. Он во правой да во рученке
Валентину держит... (Нотный пример № 6.)

Здесь и шутки, и смех... Девушка, которую повеличали, кричит, улыбаясь: «Спасибо!»

В пору покоса также звучали песни, специально приуроченные к этому времени. Например, такая:

1. Да побувай, да побувай, ой,
Да мой милай, на покосе.
2. Да и мой милай на покосе, ой,
Сено-траву он косе.
3. Да он косушку (ши) отбивае, ой,
А мене, младу, вспоминае. (Нотный пример № 7.)

Музыкальная жизнь в селе была удивительно богатой. Существовало множество возможностей проявить свои музыкальные способности.

С пением лирических песен был связан обычай посиделок. Несколько (пять—семь) подруг сходились в одну хату, занимались вышиванием и, чтобы скрасить однообразие этой кропотливой работы, пели.

Важную роль в местной певческой культуре играли традиции семейного пения. Семьи были большие — до двадцати и более человек: взрослые неотделившиеся сыновья с женами и детьми, сестры, еще не выданные замуж. Вечерами при свете «таганка» (керосинового светильника) сообща занимались домашними работами. Отец плел лапти, мальчики готовили лыко, девушки и женщины пряли и ткали, девочки мяли и сучили пряжу — каждому находилось дело. И чтобы не скучно было, большим семейным хором — «всем гуртом» — пели протяжные песни. А для отдыха возьмет кто-нибудь из мужчин балалайку — и начинаются пляски с частушками. То-то бывало веселье!

Большим культурным событием в селе бывали свадьбы. Местный свадебный обряд представлял собой развернутое драматическое действие, насыщенное разноха-

рактрным пением. Песни звучали на сговоре, когда «сводили» жениха с невестой для доброго знакомства. После того, как невесту, спрятанную в другой комнате, выводили к жениху, будущих молодоженов сажали на подводу, к ним присоединялись родственники и знакомые — и все с песнями допоздна каталось по селу. Песнями сопровождался обряд выпечки каравая незадолго до свадьбы. Утром в день бракосочетания жениха, приехавшего за суженой, встречали праздничными величаниями. Особыми торжественными песнями провожали молодых к венчанию, встречали в доме жениха. Чинными песнями поддерживался и обряд расплетания косы невесты и заплетания волос в две косы, на женский манер. Песнями сопровождался ритуал обмена дарами, выкупа сундука... Но особо важную роль играло в свадебном чине причитание невесты на фоне хора подруг, обращающихся к девушке с прощальным приветом. В этот момент у присутствующих слезы невольно подступали к горлу, так жалобны были стенания невесты, прощавшейся с девичьей волей, с дорогими родителями, с любезными подруженьками.

В многодетных семьях близких родственников обычно сразу несколько девушек достигали совершеннолетия и становились невестами; поэтому свадебные торжества, в которых участвовали одни и те же лица, были довольно часты. По рассказам фощеватовских певиц, в пору их молодости каждой приходилось «сидеть в подружках» у невесты и петь обрядовые песни по три-четыре раза за осень.

После свадьбы начинались «беседы»: родные молодых по очереди принимали у себя гостей, присутствовавших на свадебном пиру. Это было своего рода продолжение обряда. Сначала все гуляли у одной тетушки жениха, потом у другой, потом у дядюшки — и так до десяти-двенадцати дней. Само собой разумеется, что на «беседах» также звучало много песен.

Каждый погожий вечер старые добрые соседи собирались на лавочках, обменивались новостями и коротали досуг песнями. «Маленькая была, — вспоминает участница фощеватовского хора А. А. Беликова, — с семечками женщины соберутся, сядут на лавочки, заиграют песни — заслушаешься!». Тем временем молодежь выходила на край села, и там устраивалась «улица» — девушки и парни пели песни и частушки, плясали без усталости порой до самого утра.

До наших дней сохранился старинный обычай всем миром обмазывать только что построенную хату глиной. Помочь новоселу сходятся соседи, родственники, хорошие знакомые. В конце дня за усердную работу хозяин устраивает своим помощникам хорошее угощение. И это — тоже добрый повод, чтобы попеть вволю большим хором, разместившимся за длинными столами под открытым небом. А когда дела идут на лад, село богатеет, «мазаться» люди сходятся в летнее время чуть не каждое воскресенье.

Таким образом, вся жизнь фощеватовского крестьянина была насыщена пением, музыкой. Неудивительно, что наиболее одаренные сельские певцы достигали высокого мастерства в вокальном искусстве.

Пению здесь учились с раннего детства. Вот что рассказывает о своих «музыкальных университетах» одна из лучших запевал фощеватовского коллектива Анна Андреевна Беликова, с голоса которой записана приведенная выше колыбельная о татарском полоне:

«Всего нас было в семье восемнадцать душ. Сестры — как поп нарек: одна Анютка, другая Анютка. Братья — один Иван, другой Иван. Качает мать люльку, баюкает ребенка колыбельной, а я слушаю, запоминаю... Петь я начала годов с семи. Мать, невестки прядут, песни поют, а мы, малолетки, прислушаемся. Как начали бегать девчонками на улицу, так стали вместе уличные песни петь. А протяжные — на праздниках у родных

слушали, пробовали подпевать. Лет с десяти-одинадцати стала я на свадьбах песни играть, когда у кого-нибудь из родных свадьбу затевали. Лет с двенадцатитринадцати уже приходилось сидеть в подружках у невесты. Скажут: "Нюша, выводи на тонкий голос" — я и выводю. Невеста на лежанке голося — а мы слушаем, словечка стараемся не пропустить».

Вспоминает детские годы другая запевала фощеватовского хора — Евдокия Лукьяновна Стародубцева:

«Бывало, вечером таганок на столе горит, четыре пряжи сидят прядут, отец лапти с лык плетет. А я — на печке лежу, греюсь. Отец вдруг скажет: "Ну-ка, слазь, Дунях!" — и заведет песню. А я вместе с ним пою. Лет восемь тогда мне было.

Как пойдут невестки на улицу, посадят меня на плетень — я с ними вместе и начинаю песни играть.

Дома мать учила, какие песни когда нужно петь». Лет с девяти стала, по ее словам, «примечать песни» и самая старшая и опытная певица в фощеватовском коллективе — Варвара Андреевна Дикарева.

«На свадьбе, бывало, где невеста, бежишь, слушаешь, как будут голосить, как будут играть, — вспоминает она. — Пролезешь до стола, где невеста сидит, — и слушаешь, охота была всему выучиться.

Дяди у меня были первые в селе игруны. Матрюшат¹ на улице нету — улицы нема. Один из них заиграя за столом — лампа керосиновая морг, морг — и тухня. Когда мне годов четырнадцать было, выйдут мои дяди, бывало, на улицу, меня в середину поставят — идем, песни играем. Все удивляются — так ладно получалось у нас.

И тетки — посадят на коленки, запоем — заслухаешь!»

¹ Матрюшата — уличное прозвище членой этой семьи.

С раннего детства поет и Мария Степановна Скудирина, выполняющая в хоре роль руководителя. Ей запомнились с голоса матери некоторые такие песни, которых не знает почти никто больше в селе, например лирическая свадебная «Лелей, лелей, речушка, все по бережку».

Таким образом, все лучшие фощеватовские певицы с раннего детства прошли хорошую вокальную школу, получили прекрасное музыкальное воспитание в традициях южнорусского хорового пения.

Через всю свою жизнь пронесли фощеватовские запевалы горячую любовь к самобытному искусству, заветанному дедами и прадедами. Но так случилось, что показать свое вокальное мастерство за пределами родного села они смогли лишь лет двадцать назад.

Мысль организовать колхозный хор, объединяющий лучших местных песельников, пришла Семену Егоровичу Ходыреву, бывшему в то время заведующим колхозным клубом. Ее поддержал парторг колхоза, Сергей Матвеевич Шепилов.

Сколько сил пришлось потратить организатору коллектива, чтобы убедить недоверчивых к новому делу, стеснительных сельских женщин прийти на первые репетиции! «Все двory, бывало, обойдет, каждого уговорит — такой охотник до песен! Сам не пел — не получалось у него, а репетируем — сидит, внимательно так слушает и говорит: "Ты трошки не так!" — поправляет. Он дух у нас поднимал. И в пляске был хорош», — с благодарностью и уважением вспоминают о Семене Егоровиче участники хора.

Секретарь парткома тоже обычно присутствовал на спевках, подбадривал певцов. Бывали случаи, муж не отпускал жену в клуб — сам пойдет, уговорит, усовестит.

Первыми помощниками Семена Егоровича стали Мария Степановна Скуридина — колхозный счетовод — и Дмитрий Андреевич Гавшин — бывший заместитель председателя колхоза. Мария Степановна — лучший подголосок в хоре. А Дмитрий Андреевич долгие годы был одним из главных запевал.

Впервые коллектив показал свое искусство в родном селе на концерте, посвященном 50-летию Октября, затем был приглашен для участия в праздничном концерте в районном центре — Волоконовке, вскоре после этого выступил на областном смотре художественной самодеятельности в Белгороде.

Мне довелось встретиться с народными певцами из Фощеватова зимой 1968 года на областной конференции в Белгороде, посвященной народному творчеству. Конференция имела методически-пропагандистскую направленность, и поэтому в качестве докладчиков на нее были приглашены специалисты из Москвы, а слушателями были, наряду с городской общественностью, сельские народные певцы и музыканты. Фощеватовский хор из-за организационных неувязок не смог тогда приехать в полном составе. На конференции присутствовали лишь четверо самых активных его участников — М. С. Скуридина, Д. А. Гавшин, Е. Л. Стародубцева и Е. Н. Дикарева. В ходе беседы с приехавшими сельскими певцами я попросил фощеватовцев прямо в зале спеть несколько песен.

Некоторое время спустя Д. А. Гавшин вспоминал об этом так: «Когда Мария Степановна завела, я заволновался — что же у них получится, у трех-то? Но смотрю — обе Евдокии подхватили, и так ладно у них все вышло!»

Действительно, даже по пению трио легко было представить себе, насколько ярким и самобытным должно быть пение большого сельского ансамбля. Оригинальны были напевы песен. Сложностью и прихотли-

востью отличалось голосоведение, большой слаженностью — ансамбль.

Особенно поразило меня тогда исполнение свадебной песни двумя составами в форме канона. Впоследствии, когда я услышал подобные песни в исполнении большого хора, это произвело еще большее впечатление. Но уже тогда в звучании трех голосов ясно угадывалось необыкновенное своеобразие этой песенной структуры, еще не известной фольклористам, изучающим русскую песню.

Летом 1970 года фощеватовский хор в полном составе услышала в Белгороде (во время выступления коллектива перед участниками семинара методистов областных и республиканских Домов народного творчества) профессор Московской консерватории А. В. Руднева, собиравшая и изучавшая музыкальный фольклор Южной России. Она тем же летом отправилась в Фощеватovo во главе студенческой экспедиции Московской консерватории и Музыкально-педагогического института им. Гнесиных.

С этого времени началась крепкая дружба московских фольклористов с народными мастерами из певучего белгородского села. В Фощеватovo одна за другой направляются экспедиции из разных музыкальных учебных заведений столицы. Студенты знакомятся с русской песней в естественных условиях ее звучания. Встречи с мастерами народного искусства запоминаются надолго, часто навсегда оставляют глубокий след в сознании молодого музыканта. С другой стороны, приезжая в Москву для очередного выступления, фощеватовцы встречают в столице добрых друзей, окружающих дорогих гостей сердечным вниманием.

Благодаря такому живому общению московских специалистов с фощеватовскими умельцами собран большой и интересный музыкальный материал. Особенно богата коллекция фощеватовских песен, хранящаяся в

Хор села Фощеватова

фонотеке лаборатории народной музыки Московской консерватории. Студентка ГМПИ им. Гнесиных Л. Горева написала дипломную работу, посвященную песенной культуре села Фоцеватово. В ней анализируется песенный материал, нотированный молодой собирательницей по собственным записям во время экспедиции в Белгородскую область и по записи на известной граммофонной пластинке, посвященной искусству фоцеватовцев. Л. Горева любезно предоставила выполненные ею нотации для нотных иллюстраций, приводимых в данной брошюре. Используются в ней также примеры, отражающие результаты экспедиций Московской консерватории.

На основании данных, имеющихся сейчас в распоряжении фольклористов, можно составить достаточно полное представление об особенностях художественного стиля песен из музыкальной сокровищницы села Фоцеватово.

Музыкальный фольклор фоцеватовцев очень разнообразен в жанровом отношении. Здесь можно услышать типичные для русского юга протяжные лирические песни, звучавшие на «беседах», посиделках, во время уличных гуляний. Свои особые сезонные песни существуют для каждого времени года, для каждой знаменательной даты земледельческого календаря. Чрезвычайно богат местный свадебный песенный репертуар. Неясно, по каким причинам, но по сравнению с окрестными белгородскими селами в Фоцеватове мало хороводных песен. Плясовые, называемые здесь «скоморошными», также сравнительно редки, зато широко представлены разнообразные по напевам хоровые частушки-страдания. Привлекают ласковой теплотой выражения материнского чувства местные колыбельные.

При всех различиях фоцеватовских песен, принадлежащих к разным жанрам и разным историческим

пластам русского фольклора, в них отчетливо проявляется стилевое родство, общность композиционных принципов, что подтверждает предположение о непрерывности и органичности развития этой самобытной традиции, ведущей свою родословную от культуры ратных людей южнорусского пограничья и строителей петровского флота и естественно впитавшей более поздние культурные влияния, однако развивавшейся при этом во многом самостоятельно, как бы изнутри.

В песнях, звучащих в Фоцеватове сегодня, преобладает крестьянская, земледельческая тематика, поскольку на протяжении нескольких столетий жизнь фоцеватовцев была неразрывно связана с упорным, кропотливым трудом в поле: с восходом солнца пахарь выходил на свою полосу, и щедрые черноземы давали ему обильное вознаграждение за старания.

В текстах многих фоцеватовских песен воспевается труд землепашца на просторах родных степей. Такова покосная песня (нотный пример № 6).

Поэзией труда проникнуты величальные «полевые» песни:

1. На том боке, на толоке¹
Там Ванька орёт²,
2. А Татьянушке Ивановне
Голос подаёт:
3. — Татьянушка Ивановна,
Подойди сюда!
4. — А Иванушка Иванович,
Напни холодок,
5. Чтоб у нашей у Татьянушки
Не угорел рядок...

(Исполнялась на тот же напев, что в нотном примере № 6.)

¹ Толо́ка — помочь, сбор населения по кличу к одному хозяину для дружной работы на один день (по словарю В. Даля).

² Орёт — здесь: пашет.

Если же молодые крестьянки работали в поле по найму или отрабатывали катание на масленице, то хозяину, злоупотребляющему усердием работниц, в конце дня пели такую корительную песню:

1. Ой, тара, тара,
Нам до дому пора,
А у нашего хозяина
И на думках нема...
2. Мы доподем до межи —
Ляжем, полежим.
3. Мы доподем до дороги —
Раскидаем руки-ноги.
Ой, тара, тара,
Нам до дому пора.

(Пелась также на напев, приведенный в нотном примере № 6).

Культ плодородия отразился в содержании свадебных песен. Например, на девичнике существовал обычай выпечки каравай, символизирующего идею достатка, изобилия в будущей семье. Этот ритуал сопровождался пением особых «каравайных» припевок, вроде следующей:

Наш каравай в печь пошел,
Яровой ноги попёк.

В фощеватовских песнях воспеваются не только земледельческие работы, но и другие формы сельского труда. Вот, к примеру, зачин свадебной величальной песни:

У ворот вереюшка ¹,
У ворот точеная.
Не сама точилася —
Точили всё плотнички,

¹ Верея — столбы, на которые навешиваются полотенца ворот (по словарю В. Даля).

Плотнички московские,
Топоры литовскаи.

Одна из любимейших местных лирических песен начинается такими словами:

Сидела Катюшенька
Поздно вечером одна, ох,
Шила-вышивала
Тонки белы да рукава...

Во многих местных песнях ощущается радостное любовное окружение природой:

1. Груша ты (ши) да моя,
Ох, зелёна, кудрявая, ох,
Ты (ши) да когда, груша, узошла ¹,
Ой, да когда выросла? ²
2. — Я (ши) да весной, груша, узошла,
Ой, да летом выросла,
3. Ой, да зарёй, груша, зацвела,
Да днем осыпалася.
4. Я (ши) да росла, груша, на лужку,
Ой, да на крутом беряжку. (Нотный пример № 1.)

Или:

А я вырою, ох, черёмушку,
Ой, во тёмном, ой, лесу, ох,
Да й посажу я ли, ой, черёмушку
Во зелёном, ой, саду.
Да возьму, возьму я ведёрочку,
Да буду, ой, по...поливать.
Да расти, расти, ой, черёмушка,
Ох, тонка, вы...высока... (Нотный пример № 8.)

Таков пейзажный зачин лирической песни. А вот характерное начало песни свадебной:

¹ Узошла — здесь взшла.

² Каждая последующая строфа в пении начинается с повторения двух последних строк предыдущей. По этому же принципу строится и приводимая ниже песня «А я вырою черёмушку».

Устилала калинушка два луга,
Ой, два луга, ой, два луга, два зеленых.
Ой, первый луг устилала листьями,
А второй луг устилала цветами.

В одной из трудовых величальных песен поется:

1. Ой, за садом-виноградом
Там холодная вода.
2. Молодая Маринушка
По воду пошла.
3. Молодой Кузьминушка
Коника повел.
4. Просил-просил ведерочко —
Она не дала.
5. Давал, давал с рук колечко —
Она не взяла.

(Исполняется на напев, приведенный в нотном примере № 6.)

Здесь раскрывается красота человеческих отношений, так же как в величальной свадебной:

1. У Ягора за столом
Два цвяточка расцвяли.
2. Первый цвяток — калиновой,
Другой цвяток — малиновой.
3. Калиновой — Кузьминушка,
Малиновой — Маринушка¹. (Нотный пример № 9.)

Из приведенного текста видно, каким особым очарованием обладают фоцеватовские песни благодаря использованию мягкого «акающего» южного говора («цвяточек», «малиновой», «Ягор»). В аннотации к грамофонной пластинке, посвященной искусству фоцеватовского хора, А. В. Руднева пишет по этому поводу следующее: «Местный диалект придает удивительное своеобразие тексту песни. Певцы произносят слова по-особому: вместо пошел — пышол, кукушечка — кукушачка, почему — пощяму, улица — улиса и т. д.»

¹ При исполнении каждая вторая строка повторяется.

Вот еще некоторые примеры выразительного использования диалекта в песнях фоцеватовцев:

Ой, аленький наш цвиток,
Да лазоревый висилёк...

Молодой Якимушка
Коня седлая...

На горе виноград расте,
А ягода поспевая...

Нередки в фоцеватовских песнях типичные для русского народного искусства сопоставления событий в жизни человека с картинами природы, что помогает выявить глубинный смысл происходящего. На такой метафоре строится, например, поэтический текст свадебной песни «Дубровушка зелёная», исполнявшейся подружками невесты, когда они снаряжали ее к венцу:

Дубровушка, эх, зелёная,
Ой, ой, ой,
Дубровушка зелёная,
Душэль моя¹.
Что ты рано зашумела?
— Не сама я зашумела:
Зашумели, ох, буйны ветры,
Буйны ветры, ох, люты морозы.
Мариюшка Степановна,
Что ты рано замуж идёшь?
— Не сама я замуж иду:
Отдавае мене родный батюшка,
Отдавае мене родна матушка. (Нотный пример № 10.)

В величальных свадебных песнях участники ритуала наделяются ярко привлекательными чертами. Они представляются такими, какими видятся простому труженику идеально совершенные люди: и красивыми, и нарядными, и бескорыстными, щедрыми. Вот, например, характеристика жениха:

¹ Далее текст излагается без припевных слов и без соблюдения строфической формы.

То не дело было, ой, Марьюшка, да не дело, ды¹
 Куда наша, ой, Марьюшка глядела?
 Хорошего Иванушку полюбила,
 Хорош-пригож Иванушки весь убор,
 Он весь убор, он весь убор не его:
 Турецкого воеводушки самого.
 Вот нашего Иванушки дома нет,
 Вот нашего Андреича не случилось.
 Да поехал Иванушка в ин город,
 Он в ин город новы торги торговать,
 Вывел коня, вывел коня продавать,
 Около коня, коло коня все купцы,
 — Ох, купчики, голубчики вы мои,
 Хоть торгуйте, не торгуйте — не продам.
 А поеду к тещю в гости — даром дам.
 Вот даром дам, вот даром дам, подарю.
 Я Марьюшку Степановну так возьму,
 Я так возьму, за рученьку поведу.

(См. нотный пример № 2.)

Важное место занимает в поэтике фощеватовских песен шутка, юмор, иногда — ядовитая сатира. Особенно это свойственно «скоморошным» песням:

У нас были да веселая времена,
 Нявестушка полюбила деверя.
 У деверя да равнивая жана,
 Равнивая, шалудивая:
 Не пуская мужа в гостюшки...

Или:

Ой, ниточка тоненькая,
 Мотовилица зелененькая.
 На что ж было тонко прясть,
 На что ж было часто ткать?
 — Я у середу не прядывала,
 У четверг не загадывала,
 А у пятницу грех, грешно,
 У субботу жарко баню топила.
 В воскресенье на базар ходила,
 В понедельник рано печь топила...

В разнообразных по содержанию традиционных фощеватовских песнях отразились радости и печали в основном крестьянства. Однако в искусстве местных мастеров пения почетное место занимают песни, посвященные и современной советской теме. В народном творчестве фощеватовцев запечатлелись героические события революции и гражданской войны, трудовой подъем первых пятилеток, суровые годы борьбы с фашизмом.

В Валуйках и Волоконовке Советская власть установилась в январе 1918 года. Но уже через четыре месяца сюда вторглись немецкие оккупанты, а затем пришли войска белой армии Деникина.

С радостью встретили местные крестьяне своих освободителей — бойцов Конной армии Буденного. С тех пор осталась в памяти народной бодрая воинская песня, которую принесли с собой красные кавалеристы:

Командир, товарищ наш Буденный,
 Он все время впереди.
 Он командовал своим отрядом,
 Веселил своих бойцов...

В годы коллективизации сельского хозяйства одним из самых активных строителей колхозной жизни был запевала фощеватовского хора Дмитрий Андреевич Гавшин. Именно поэтому и много лет спустя он с прежним воодушевлением заводил энергичную, призывную песню, рожденную во времена колхозного строительства, с бодрым, живым припевом:

Колхоз — наша опора,
 Силён советский край.
 Шагаем, шагаем,
 Шагай, не отставай!

В этой песне слышится непоколебимая вера в светлое будущее, твердая решимость отстоять социалистические завоевания, гордость за достижения советской техники:

¹ Текст излагается без соблюдения строфической формы.

Никто пути пройденного
У нас не отберёт,
Мы с партией родною
Все движемся вперёд.
Колхозами, совхозами
И трактором стальным —
Не силою — охотою
Коммуну создадим.
За соцсоревнование,
За пятилетний план!
Мы выполним задание
Рабочих и крестьян.
Не только птицам виться
За степи, за леса —
И мы должны учиться
Летать под небеса!

Заметное место в репертуаре фощеватовских певцов занимают песни, рожденные в трудные годы Великой Отечественной войны. Среди них наибольшей популярностью пользуется баллада о расставании молодого матроса, уходящего в бой, со своей любимой:

На рейде у моря змиинец стоял.
Матросы с родными прощались.
А море таило покой красоты
И где-то вдали исчезало.
А там во садочке, где пел соловей —
Он пел свою песню играя, —
С девчонкой прощался моряк молодой,
Надолго ее спокладая.
Он снял бескозырку,
Махнул ей рукой:
— Прощай, дорогая Маруся!
Вот скоро возьмем Севастополь родной —
К тебе, дорогая, вернусь я...

Прочно вошел в самую плоть народного искусства песенного южнорусского села и такой живой современный жанр фольклора, как частушка. Здесь можно услышать задушевные лирические страдания и бойкие веселые припевки, получившие широкое распространение в разных районах России, такие, как «Матаня», «Семе-

новна», «Подружка», «Барыня», «Саратов». Звучат и своеобразные по напеву местные страдания под аккомпанемент ансамбля балалаек¹, получившие название «Дуся» (см. нотный пример № 11).

Вообще балалайка стала любимым музыкальным инструментом, сопровождающим исполнение частушек. Она с большой теплотой упоминается в текстах многих из них:

Заиграла балалайка,
Заиграла новая.
Зазвенели голоса,
Запела развеселая.

Балалаечка играет,
Она семиструнная.
Выйди, милый, посмотри,
Какая ночка лунная.

Балалайка не моя,
Балалайка братова,
Я под эту балалайку
Припою «Саратова».

Балалайка — игрушечка,
Кто играет — тот душечка.

В частушках ощущается горячая любовь к отчему краю, восторженное любование его красотой, гордость за родное село:

Фощеватово-село
Сукрашено хорошо
Цветами-букетами,
Девками-портретами.

Не остаются без внимания и культурные преобразования в колхозном селе. Личные мотивы переплетаются в лирических припевках с общественными. Так, под

¹ Что касается местных хоровых страданий без инструментального сопровождения, то они принадлежат к старым, дореволюционным формам народного песенного искусства.

живым впечатлением от нового нарядного колхозного клуба с его ярко освещенными окнами родилось следующее четверостишие:

А я выйду за ворота —
Там яснее новый клуб.
Это, подружка, не мода —
Ухажер у нас на двух.

В первые годы образования колхозов появились частушки, отражающие социальные перемены на селе:

Я надену фартук белый,
А на фартуке — петух.
А мой милый — бригадиром,
Только вчѐра был пастух.
Ой, подруга, не хвались,
Что твой милый — тракторист.
А мой тоже учится —
Не знаю, что получится.

Много частушек было сложено в годы Великой Отечественной войны. На частушечный напев «Семеновны» исполняются в Фощеватове куплеты, посвященные героическому подвигу Зои Космодемьянской. Кульминацией этого патриотического сюжета служат следующие слова:

Подвели ее к двум большим столбам,
Она крикнула всем своим друзьям:
— А ну, товарищи, а ну, за Родину,
За счастливую, за свободную!

В частушках фощеватовцы откликаются на самые разнообразные злободневные события нашей современности. Вот появились сообщения о провокациях маоистов на Дальнем Востоке у острова Даманского — и тут же родилась новая припевка о молодом пограничнике:

Милый в армию поехал,
Я ходила провожать.
На прощанье приказала:
На границе не дремать!

Частушки, обращенные к воинам Советской Армии, стоящим на страже Советской Родины, отличаются особой теплотой:

Ой, подружка моя,
Снятся горы и леса.
Снится форма лейтенанта,
Его карие глаза.

Живой отклик в этом жанре нашли и подвиги покорителей космоса. Как того требует природа частушки, тема выхода человека за пределы земной орбиты, глубоко взволновавшая советских людей, претворяется в юмористически шутливом плане:

Девяносто лет старухе,
Собралась уж помирать —
Заявленье написала,
Чтоб на Марсе побывать.

Многие частушки сочинены участниками фощеватовского хора специально для концертных программ. Создавались они всем коллективом. Тему чаще всего подсказывала участница хора Мария Павловна Стародубцева, больше других обладавшая склонностью к поэтическому творчеству. Она же сочиняла первые слова. Затем общими усилиями на определившуюся смысловую канву нанизывались новые поэтические компоненты. Так родилась, например, частушка, в которой ощущается гордость участников хора за широкое признание своих творческих успехов:

Фощеватовские песни
Уж звенят по всей стране.
Мы попросим космонавтов,
Чтоб их спели на луне.

Самые разнообразные явления нашей богатой событиями советской действительности находят отражение в песенном творчестве колхозников из Фощеватова.

После записи частушек

Напевы фощеватовских песен отличаются большой выразительностью и яркой самобытностью. При скромности и классической простоте мелодических и ладовых средств звучание местных песен приобретает особую красочность, цветистость благодаря изощренности ритма и насыщенности многоголосной фактуры.

Музыкальные фразы четко членятся постоянными цезурами, совпадающими с цезурами стиха. Ясная пропорциональность композиции придает напевам филигранную отточенность, завершенность. Внутри же музыкальных построений ритмическая ткань затейливо расцвечена прихотливыми узорами-синкопами, сложными пунктирными фигурами, разнообразными бисерными украшениями. Сами народные певцы прекрасно осознают

это важное свойство местной песенности. Например, по поводу хоровой частушки «Страдал я маслену», отличающейся сложным синкопированным ритмом, было кем-то из них замечено, что в ней «самыи колдыбания» (см. нотный пример № 12).

Чрезвычайно развита многоголосная ткань фощеватовских песен. Основных линий, определяющих фактуру напева, две или три, в зависимости от жанра и конкретных композиционных свойств произведения. Однако вокруг ведущих партий в песенной партитуре возникают дополнительные, вспомогательные, во многом обогащающие общее звучание напева. Это особенно ясно выявилось, когда при работе фольклористов с фощеватовскими певцами была использована методика многомикрофонной записи, состоящая в том, что во время пения ансамбля перед каждым из его участников устанавливается отдельный магнитофон. По команде руководителя записи все аппараты включаются одновременно, и на каждой ленте записывается один голос на фоне остальных. Чтобы разучить фощеватовскую частушку «Куда пошел, Егорушка» в ансамбле русской песни Музыкально-педагогического института им. Гнесиных, мне захотелось сначала нотировать все линии голосов, как они зафиксированы путем использования многомикрофонного способа записи, а потом, объединяя отдельные голоса в партитуру, исключить повторяющиеся моменты и получить тем самым обобщенную картину звучания. Как я ни бился, пытаясь свести тринадцать записанных линий в меньшее число вокальных партий — у меня ничего не получилось. Мелодический и ритмический рисунок каждого голоса был настолько индивидуален и самостоятелен, что исключение какого-либо элемента не могло не обеднить общего звучания. Так и пришлось разучивать песню на тринадцать голосов¹.

¹ Результаты этой партитурной нотации отражены в сборнике «Сторонка родная» (сост. Е. Засимова. — М.: ВХО, 1978).

Момент многомикрофонной записи

К сожалению, в небольшой брошюре невозможно в каждом случае приводить полные партитуры фощеватовских песен, полученные с помощью многомикрофонной записи. Здесь даны в основном либо варианты песен, записанные от малых вокальных групп, либо обобщенные расшифровки хорового звучания с выведением основных, лучше всего прослушивающихся голосов. В богатстве многоголосного распева в наибольшей степени проявляется исполнительское мастерство фощеватовских умельцев. Однако и во многом другом ощущается их большое вокальное искусство. Чистота интонирования, безукоризненное чувство ансамбля — все

эти качества пения больших мастеров заставляют песню звучать удивительно слитно и красиво.

У фощеватовских певцов есть свои музыкальные правила, которыми они руководствуются при исполнении песен.

Главное — это слитность пения, чувство коллектива. Говоря о неумелых певцах, которые не могут подладиться к звучанию певческой артели, выделяются из ансамбля, Д. А. Гавшин сказал: «Они поют, но нет такого обаянства, чтобы звук сливался». Он осуждающе относился к тем, кто не заботится об этом: «Как кто ряпнул — я всё, не могу!»; «Другой иногда закричит, я его толкаю: что же ты режешь другие голоса?!» Требовательна к качеству пения и Евдокия Лукьяновна Стародубцева: «Играть нужно, чтобы было ладно и хорошо». По мнению певцов, чтобы содержание песни выявилося полностью, ее необходимо обязательно допеть до последних слов: «Не до конца петь — никакого вывода нету!».

Высоко ценится в Фощеватове умение петь выразительно, живо: «Пойде она подпевать — живая вся! Вся ходит ходуном, поёт — сила!»

Не только заинтересованная оценка качества пения отличает суждения фощеватовских певцов о музыке, но и особое понимание средств песенной композиции. О пении на несколько голосов говорят: «Вот тут-то надо и в гору брать, и книзу опускать». Тонко чувствуют, что сольное изложение обедняет песню: «Иначе ее никак не сыграешь, только на подголосок». Когда однажды во время репетиции певец забыл спеть один мотив, ему заметили укоризненно: «Колено ты так не выведешь!». И пояснили фольклористу: «Колено мы не взяли — уже плохо».

Перед тем, как начать исполнение двуххорной свадебной песни в форме канона, певцы договариваются между собой: «Мы будем рассказывать, а вы лелёкать».

Недовольная слишком напористым пением партнера, певица из Старопузина Василиса Алексеевна Головина поправила его: «Ты голос дуже не повышай, а спрехвалá, и не спеши».

В понимании фощеватовцев существует своеобразное жанровое разделение песен. Лирические протяжные песни называются здесь «выводными» (от слова «выводить», то есть петь с верхним подголоском). Обрядовые же песни именуются «лëями» из-за характерного припева, свойственного им.

Если нужно петь быстрее, то говорят: «Здесь швыже играют». Если нужно, чтобы подголосок звучал выше, советуют певице: «Здесь нужно шибче взводить». Договариваясь, кто будет запевать, а кто подголашивать, объясняют один другому: «Как я буду взводить, ты ниже держи».

Фощеватовский хор сложился постепенно, к участию в нем были привлечены певцы из окрестных сел и хуторов — Подлеси, Новосильского, Старопузина, Новопузина. В каждом из этих селений имеются свои отличия как в песенном репертуаре, так и в характере вокализации. В беседе с певцами из Старопузина, посещавшими репетиции хора, я поинтересовался, сильно ли, по их мнению, отличается пение фощеватовцев от их собственного, и трудно ли было припиться к основному составу хора. Мне ответили: «Грубоголосые они есть. У нас играют мягче. А подлаживаться будешь — только придерживайся. День, два голоса нужно было подлаживать. А потом привыкли».

Рассказ о фощеватовской народной музыкальной традиции был бы не полным, если не вспомнить о местных инструменталистах — гармонистах, балалаечниках.

Нужно сказать, что в Фощеватове распространена ансамблевая манера игры на балалайках. Чаще всего балалаечники играют вдвоем: один ведет основную мелодическую линию, другой воспроизводит аккорды со-

провождения. Причем настраиваются инструменты по-разному. Нередко, чтобы поднять общий строй балалайки, народный музыкант перевязывает лады (с первого по пятый), накладывая на гриф в соответствующем месте небольшую деревянную планку и туго обматывая ее веревкой. Перед началом игры инструменталисты специально договариваются: «Я буду играть на перветь, а ты — на втореть». Фощеватовские балалаечники могут составить и слаженное инструментальное трио. Тогда на фоне созвучий аккомпанирующего звучения вырисовываются две относительно самостоятельные мелодии.

Лучшими в селе балалаечниками считаются Иван Филиппович Михайлов, Кузьма Гаврилович Иванов и Григорий Иванович Алтунин. Особенно оригинально в исполнении этого ансамбля сельских виртуозов звучит уже упоминавшийся лирический наигрыш «Дуся» сугубо местного распространения, сопровождающий шуточные страдания (см. нотный пример № 11).

Во время игры фощеватовские мастера применяют разнообразные исполнительские штрихи. Это и мерное бряцание, и игра разложенными аккордами, и тремоло на одном звуке, и выигрывание мелких мелодических украшений. Важную роль при этом играет разнообразная капризная акцентуация.

Конечно же, как и повсюду в белгородских селах, в Фощеватове почетное место на любом празднике принадлежит гармонистам.

Однако в своих публичных выступлениях участники фощеватовского самобытного хорового коллектива обычно не используют гармонь: главное достоинство местного народного исполнительства состоит в высоком мастерстве пения без инструментального сопровождения, что позволяет с наибольшей полнотой каждому участнику ансамбля проявить индивидуальность, мастерство вариационного развития напева, не нарушая при

этом общей стройности целого. Именно таким образом наиболее эффективно реализуются мудрые законы певческого народного искусства, сформировавшиеся на юге России в течение столетий.

Пришло время рассказать о главных организаторах коллектива, о его лучших певцах, вокруг которых сплотились мастера пения Фоцеватова и окрестных сел.

Руководителем народного хора считается Мария Степановна Скуридина. До ухода на пенсию она работала в колхозе счетоводом. В хоре пользуется большим авторитетом.

Мария Степановна поет партию верхнего подголоска. Ее ровный, мягкий, высокий голос очень украшает звучание напева. Песни перенимала с голоса своей матери, много пела в кругу домочадцев. Семья была большая — около тридцати человек: отец, мать, двенадцать детей, вместе жили четыре брата со своими женами и детьми. Когда, сидя за прялкой, мать и невестки запевали лирическую песню, маленькая Маша тихонько подпевала, запоминала слова, мелодию.

Жених Марии Степановны остался в армии на сверхсрочную службу. Поженились они в Севастополе в 1939 году. Но не успели молодые вдоволь пожить счастливо: началась война, и муж ушел на фронт. Едва добралась молодая женщина с маленькой дочкой на руках в родное село.

Несмотря на все тяготы жизни в годы войны, когда приходилось обрабатывать землю вручную, пахать на немногих оставшихся коровах, голодать, с песней фоцеватовцы не расставались. И высокий подголосок Марии Степановны, тогда колхозного бригадира, по-прежнему звенел над голосами подруг.

Не бросила петь Мария Степановна и когда муж вернулся инвалидом, без ноги и с расстроенным здо-

Руководитель коллектива М. С. Скуридина

ровьем. Хоть и нелегко это ему давалось, бывший воин духом не падал, любил играть на балалайке, баяне, а при случае и песню спеть. Жену свою подбадривал, а когда организовался хор, старался создать условия, чтобы Мария Степановна могла ходить на репетиции и участвовать в концертных поездках коллектива. О том, насколько сильно было желание супругов не покориться трудностям и не отстать от жизни, свидетельствует тот факт, что в трудное для них время, в 1948 году, Мария Степановна окончила курсы бухгалтеров. Вот уже несколько лет, как мужа не стало. Мария Степановна свято чтит память о нем. А превозмочь горе ей помогает наша добрая, ласковая русская песня.

Марию Степановну больше других беспокоит творческий рост хора. Она заботится о расширении репертуара, назначает время репетиций, привлекает к занятиям молодежь.

Важная роль в жизни хора всегда принадлежала Дмитрию Андреевичу Гавшину, совсем недавно внезапно скончавшемуся. На граммофонной пластинке характерный, резкий, плотный его голос можно услышать в зачинах песен «Груша ты моя», «Сидела Катюшенька», «Черемушка». Насыщенный тембр певца укреплял, цементировал их общее звучание.

У Дмитрия Андреевича поет вся семья — сыновья и дочери, внуки и племянники. Жена «выводит на подголоски». А если учесть, что двери его дома всегда были широко открыты для всех, кому вдруг захотелось свернуть «на огонек», станет понятно, как часто звучали, да и сегодня звучат, по вечерам в доме Гавшиных русские песни.

Дочь Дмитрия Андреевича Оля (1953 года рождения) участвует в фощеватовском хоре, составляя вместе с несколькими другими молодыми женщинами и девушками небольшую молодежную группу, недавно привлеченную в коллектив.

Группа участников хора. На переднем плане — Д. А. Гавшин

Как и у большинства фощеватовских мастеров, первой учительницей Дмитрия Андреевича, с раннего детства привившей ему беззаветную любовь к народной песне, была мать. Вот как передавал певец впечатления детства: «Мать сильно пела — теперь голосов таких нет. У ей был и бас — грубый голос, и тонкай — тихо так, бывало, поет. У матери — Васина она по-улишному, Шенцова — подруга — была. Идут вдвоем, сильно луна светит — и поют. Голоса льются... Мать больше запедала. Как запоем — любой под ее подыграет».

Семья, в которой вырос Дмитрий Андреевич, была большая и бедная. Отец, кроме своих шестерых детей, растил еще четверых — своего брата, погибшего на гражданской войне. Нелегкими были детские и юношеские годы Дмитрия Андреевича. Работал в батраках, затем в донецкой шахте навалщиком.

Вернувшись после воинского призыва в село, совсем недолго побыл дома: началась война. В боях под Кенигсбергом был тяжело контужен, но врачи спасли ему жизнь и вернули работоспособность.

В 1943 году вступил в партию. От боевых времен в памяти Дмитрия Андреевича осталось немало воинских песен.

Возвратившись в родные края, год был председателем колхоза, затем около пятнадцати лет — заместителем председателя.

За веселый нрав и пристрастие к шутке в селе Дмитрия Андреевича прозвали «баламутом». Он сам с улыбкой рассказывал об этом: «Председатель на собрании спрашивает: кто знает, кто такой Дмитрий Андреевич, заместитель председателя? — Никто! А Баламута — вся округа знает».

Для песни у Дмитрия Андреевича находилось время и в праздники, и в будни, и даже на работе. «Брат был бригадир, — рассказывал певец, — и голос у него был хорош! Он подъезжает на коне, а я на арбе еду, в какой снопы возят. Подъезжает — кричит: запевай! И пока на гору не выедем, не смолкнем. Песню я слушаю — она мне внедряется, в голову сама идет».

Дмитрием Андреевичем составлен большой альбом с записями любимых песен. Если требуется обновить репертуар хора, стоит полистать его страницы — и нужная песня непременно отыщется.

Весьма колоритна в хоре фигура Анны Андреевны Беликовой. Она и говорит, и, наверное, мыслит прибаутками. Легкий характер позволил ей усвоить мно-

жество шуточных песен, задиристых частушек. Знает Анна Андреевна и немало свадебных «приказок», с которыми потчевали гостей за столом. «Гости сидят — рушник положат мне на руки, я и пошла по-за столами, приговариваю:

Брошки-сережки,
Губные гармошки,
Квас малинный,
Семь раз наливный!» —

вспоминает певица.

Родители не хотели выдавать ее замуж за любимого. «Они мне говорят: "Не пойдешь за него. У них хатенка маленькая". А я головой киваю, соглашаюсь, а сама думаю: все равно убегу», — с улыбкой рассказывает Анна Андреевна. В конце концов добилась своего, и всю жизнь прожили они с мужем в большом согласии. «Так он ее жалел — ужась, — рассказывают подруги. — А она — все шутки да пляски. Так и проплясала всю жизнь». Мужа, недавно ушедшего из жизни, певица вспоминает с большой теплотой. «Сам он не пел, не плясал. А сидит на гулянье, на свадьбе — и любит, как я пою да людей веселю».

Жили супруги поначалу бедно, и даже поплясать было не в чем. Да ведь и не напасешься обуви: «Ночь проплясала — нема вязёнок, расплясала, — смеется Анна Андреевна (вязёнками назывались шерстяные тапочки). — Всю ночь ногами прошаркаешь — разве вязёнки уцелеют! Идем на гулянье, на горний куток, договариваемся с подругой, какие частушки петь, чтоб друг другу напротй: ты — эту, а я — эту. И в поле тоже направлялись с песнями. Бывало, выхожу утром на улицу, а мне говорят: садись на этот воз. Там самые игрушки! Всю дорогу поем», — рассказывает Анна Андреевна.

Если зайти к певице в гости, она поведает и про чудеса, какие в прошлом творили местные знахари, и вспомнит корительные занозистые припевки парням на

вечерках, и наскажет всяческих небылиц. Когда нужно поднять настроение участникам хора, никто с этой задачей не справится лучше, чем Анна Андреевна Беликова.

Сестра Анны Андреевны, Варвара Андреевна Дикарева, по возрасту одна из самых маститых фощеватовских певиц, незаменима в хоре благодаря большому опыту, доскональному знанию местного песенного репертуара, большому мастерству пения в ансамбле.

Всю жизнь Варвару Андреевну окружала и окружает сегодня атмосфера любви к русской песне. Пела мать, пели дяди, воспитывавшие девочку после гибели ее отца на гражданской войне. По словам певицы, «и муж, хозяин мой, и свекор хорошо песни играли. Потом и дочка нам помогать стала, и внучок. Сейчас он работает в Донбассе. На тонкой голос, бывало, заиграет — так хорошо! А сейчас внучка сестры моей, Евдокии, — по соседству они со мной живут — старинные песни знает. Запоет: "Головушка заболела", "Сидела Катюшенька" — складно у ней получается, как вместе заиграем. А дочка моя, Татьяна Прокофьевна, если нема ее на свадьбе — нету толку (то есть пение не ладится. — В. Щ.).

Незадолго перед войной уезжали мы семьей в Сибирь, в Черемхово. Пятерых детей с собой повезли. Хозяин в шахту определился работать. Один работал на пятерых — трудно жили. В бараке ютились. А как вечер — так начинаются у нас песни да веселье. Хозяин у меня черный, как казак, был. Он заводил. Соседи откроют дверь, заглянут, удивляются: "Мы думали, свадьба у них, у москалей, а это они — так! Чалдоны на свадьбы нас кликали, буряты в гости приглашали — песни русские хотелось им послушать".

Встречаю я как-то Варвару Андреевну на улице Фощеватова — идет, на палочку опирается, котомку через плечо перекинула. «Иду, — говорит, — в Подлесь, в соседнее село, к сестре Анне Андреевне. Вечер ско-

ротаем — побеседуем, песни поиграем. Так-то оно веселее». На стремлении людей к общению да на неодолимом их влечении к пению и строится деятельность фощеватовского народного хора.

Нередко заходит Варвара Андреевна в гости к живой неподалеку от нее Евдокии Лукьяновне Стародубцевой, одной из запевал хора. Их с давних пор сдружила любовь к русской песне. В хоре Евдокия Лукьяновна поет низким голосом, как и положено обычно запевале. Когда она начинает вспоминать былые годы, то в памяти ее непременно всплывают эпизоды, связанные с пением: «Шли мы, бывало, с Варварой — невесткой — в поле, и пели "полевые" песни: "На том боке, на толоке, там Ванька орёт!" — и сами себя величали друг дружку по очереди». На свадьбах в молодые годы часто приходилось Евдокии Лукьяновне «сидеть в вышках» с подругами невесты, песнями провожать девушку из родительского дома.

Поддерживала она в пении и соседок-солдаток, пытавшихся разудалой песней заглушить тоску одиночества.

Всю жизнь неразлучна эта скромная, застенчивая в жизни женщина с песней, неизменно заставляющей ее приободриться, стать живой, активной, раскрепощенной.

Недавно, после смерти мужа, уехала к дочери на Донбасс еще одна запевала хора, Дарья Даниловна Шепилова. Подруги охарактеризовали ее так: «Общественная женщина, хорошая, ценная, не пустая». Приезжая летом в село погостить, Дарья Даниловна отводит душу в пении со сверстницами. «Заиграла как-то она песню "Калинушка", дошла до слов "на чужой сторонushке невесела жисть, да старому, малому надо угодить" — и заплакала», — рассказывает Варвара Андреевна. Тоскует Дарья Даниловна по родине, по близким людям, по любимым песням.

Одна из активнейших участниц фощеватовского хора — Мария Васильевна Мишина, которую в селе зовут Солдаткой. Видно, нелегкая ее жизненная судьба повлияла на то, что Мария Васильевна стала непревзойденным в округе мастером берущей за душу лирической частушки.

Только год пожила певица с любимым мужем. В 1937 году он был призван в армию и уже домой не вернулся. Сначала воевал с белофиннами, затем — с фашистами. Сражался в партизанском отряде. В одном из боев погиб. Мария Васильевна осталась одна с маленьким сыном Васей на руках. Во время войны помогала партизанам. По доносу полиция была арестована немцами за то, что муж ее был коммунистом, и попала в один из концлагерей, организованных фашистами в районе Валуйки — Волоконовка. До сих пор не может много выстрадавшая женщина без слез рассказывать об этих тяжелых временах. Неуемная тоска по любимому мужу, с которым разлучила ее война, слышна в тягучих частушках Марии Васильевны:

С неба звездочка катилась,
На лету растаяла.
Лучше б пуля меня убила —
Милого оставила.
Я б по морю поплыла,
По морю ледовитому.
Доплыла б, на грудь упала
Милому убитому.

Моя белая косынка —
Не буду повязывать.
Пошлю милому на фронт
Раны перевязывать.

Трудно охарактеризовать всех участников фощеватовского хора. Ведь их много — около двадцати человек. И каждый вносит свою лепту в общее звучание песни, добавляет свои выразительные звуковые краски. Особенно важна роль запевал, от которых во многом зависит

общее настроение песни. А. В. Руднева в аннотации к граммофонной пластинке с записью фощеватовских песен пишет, например, что среди запевал выделяется «замечательная "ведущая" в двуххорной величальной свадебной песне Домна Ивановна Карпухина». Основательную поддержку оказывают хоровому звучанию мужские голоса — Семена Захаровича Постникова, Кузьмы Гавриловича Иванова.

Песельники из Фощеватова — это замечательные мастера народного искусства, заставляющие восторгаться красотой русского песенного распева, проникаясь гордостью за наш талантливый народ, создавший прекрасные произведения музыкального искусства.

Все фотоснимки, помещенные в брошюре,
сделаны А. С. КОШЕЛЕВЫМ в полевых условиях.

НОТНОЕ ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Груша ты моя

(Лирическая)

Музыка В. Высоцкого. Слова В. Высоцкого.

Ж = 72

Гру - ша ты (шн) да мо - я,

ок, зе - лё - на, ку - д(м) - ря -

ва - я, ок, ты (шн) да ко - р(м).

ты - (шн) да ко - р(м).

..ла, гру - ша, у - заш(н) - ла ой, да ког - да

- ла, гру - ша, у - зош - ла ой, да ког - да

у - зош - ла - (я), ой, да ког(м) да

вы - (н) - ро - (я) - с(м) - ла?

зы - (ш) - ро - (я) - с(м) - ла?

2. То не дело было, Марьюшка, не дело

(Свадебная)

[illegible]

Ой, о. Э. Хо-ро-ше-го И-ва-нуш-ку,
 гля-де-ла, а... Э- о- по-лю-би-ла,
 х(м), лю-ди, а-ли-лай, ле-ли, по-лю-би-ла.

3. Ой, горе моё, гореваньице (Колыбельная)

О-я, го-ре-мо-ё, го-ре-вань-и-це,
 а-х(м), кто(ши) ко-му до-ста-нет-ца?
 А ба-ю-лю-лю, мо-ё-ди-та-ту(м)ко,
 а ба-ю-лю-лю, мо-ё-ми-ло-е.

4. Коляда не перепёлка (Колядка)

Ко-ля-да не перепёлка, ко-ля-да не таракелка,
 ко-ля-да по-шла по до-рож-ке, ко-ля-да нашла же-ле-зач-ку,
 ко-ля-да пошла у куз-няч-ку.

5. Кумитися, любитися (Семицкая)

Ку-ми-те-ся, лю-би-те-ся, п(м) - ри-май-тя мне во зе-лё-ный сад о-дны-е,
 ри-май-тя мне во зе-лё-ный сад о-дны-е.

6. Новая колысочка

(Трудовая)

$\text{♩} = 60$

1. Ой, но - ва - я да ко - ля - соч - ка,
 ой, по по - лю бя - жит, о - х(м),
 ой, по по - лю бя - жит, о - х(м),
 дай по по - лю (ши) да бя - жит.

7. Побувай

(Покоеская)

$\text{♩} = 60$

1. Да по - бу - вай - я, да по - бу - вай - я, о - се,
 да мой ми - ляй, на по - ко - се.

8. А я вырою черемуху

(Лирическая)

$\text{♩} = 60$

1. А я вы - ро - ю, ох, че - рё - (ё) - муш(и) - му,
 - но - м(и), ой, ля - су, о - х(м),
 ой, во те - м(и) - но - м(и), ой, ля - су, о - х(м),
 че - рё - (ё) - муш(и) - му.

дай во - се жу (шн) я ли, ой, че - рё - (ё) - муш(и) - му,
 че - рё - (ё) - муш(и) - му.

муш(и) - му, о - х(м), во зе - лё - (ё) - на - м(и), ой, са - ду,
 муш - жу, муш - жу.

9. У Егора за столом
(Свадебная)

♩ = 120

1. У Я - го ра за сто - ло - м (ы)
два цвя - то - чка рас - цвя - ли,
два цвя - то - чка рас - цвя - ли.

10. Дубровушка зеленая
(Свадебная)

♩ = 96

1. Дубро - вуш - ка, эх (и), зе - лё - на - я (иш),
ой, ой, ой, ду - б(и)ро - вуш - ка
ой, ой, ой, ду - б(и)ро - вуш - ка
зе - лё - на - я, ду - ше - ль мо (я),
зе - лё - на - я, ду - ше - ль мо (я).

11. Дуся
(Страдания)

Настройка балалаек ♩ = 112

I
II
III

1-й исполнитель

Ох ты, Ду - ся, мо - я Ду - ся, рас - ста - вать - ся нам по - ра,

лю - ди по го - ду гу - ля - ют, мы с то - бо - ю пол - то - ра,

2-й
2. Ой ты, Ду-ся, мо-я Ду-ся, бо-е-во-я вся семья,

ка-бы Ду-сю (у)-зял за-муж, бо-е-вой бы был и я.

12. Страдал я маслену

(Страдания)

Научно-популярное издание

ВЯЧЕСЛАВ МИХАЙЛОВИЧ ШУРОВ

ПЕСЕЛЬНИКИ ИЗ СЕЛА ФОЩЕВАТОВА

Народные певцы и музыканты

Редактор Н. Сладкова.

Худож. редактор Г. Христиани.

Техн. редактор Е. Блюменталь.

Корректор Г. Кириченко.

ИБ № 2181

Сдано в набор 24.11.87. Подп. к печ. 27.01.89. Форм. бум. 70x108 1/32. Бумага офсетная №1.

Гарнитура шрифта таймс. Печать офсетная. Печ. л. 2,0. Усл. печ. л. 2,8. Усл. кр.-отт. 5,45

Уч.-изд. л. 2,47. Тираж 1900 экз. Изд. № 8296. Зак. 103. Цена 15 к.

Издательство «Советский композитор»,

103006, Москва, К-6, Садовая — Триумфальная ул., 14-12

Московская типография №6 Союзполиграфпрома при Государственном комитете СССР

по делам издательства, полиграфии и книжной торговли,

109088, Москва, Ж-88, Южнопортовая ул., 24.

В серии „Народные певцы и музыканты” выходит в свет сборник „Русские рожечники”. Сост. Н. Сладкова. М.: Сов. композитор, 1989.

Издание содержит интересные сведения об уникальном русском народном инструменте — рожке, его устройстве, истории возникновения и бытования. Оно включает фрагменты из трудов выдающихся фольклористов, исследователей рожечного искусства — Е. Линевой, Н. Привалова, Б. Смирнова и др., давно ставших библиографической редкостью. Очерк владимирского краеведа М. Воронцова посвящен хорам рожечников под управлением Н. Кондратьева, братьев Пахаревых, А. Сулимова, которые в конце прошлого — начале нынешнего века обрели всемирную славу, дает творческие портреты их руководителей и участников.

О том, как при помощи пастуха Н. Солодихина рожечное искусство уже в наше время было перенесено на профессиональную сцену, рассказывает в очерке „Рожечники хора имени Пятницкого” дирижер и композитор А. Широков, проработавший в этом коллективе тридцать лет.

Сборник содержит большое количество нотных образцов рожечных наигрышей.

Издание предназначено для фольклористов, педагогов и студентов музыкальных учебных заведений, а также всех, кто интересуется русской народной музыкой.